

УДК 070:81.42
ББК 76.02:81.055
Н 72

Новак М.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории журналистики Южного Федерального университета, e-mail: nmarinka@mail.ru

Бешукова Ф.Б.

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: fat8474@yandex.ru

Гибридность медиадискурса как специфичная коммуникативная стратегия карпато-русской прессы США конца XIX–XX веков

(Рецензирована)

Аннотация:

На примере карпато-русского языка показан результат англо-славянского взаимодействия, которое выразилось в формировании гибридного языка карпато-русской газетной прессы славянской диаспоры США в период конца XIX - начала XX вв. Целью является обоснование с позиций медиакоммуникативистики необходимости и целесообразности языковой политики гибридизации. С помощью методологий лингвистического и контент-анализа выявлено, что этот гибридный язык формировался на основе активного заимствования и словообразования. Основой его был родной для большинства читателей карпато-русский язык, русский язык как адстрат и англо-язычные заимствования. Процесс словообразования соединял как лексику, так семантику и грамматику. Основным результатом исследования заключается в выводах о том, что активные процессы языковой гибридизации, происходившие в профессиональной карпато-русской прессе США конца XIX-XX веков способствовали повышению эффективности медиакоммуникации.

Ключевые слова:

Карпато-россы, гибридизация, словообразование, заимствование, язык газеты, адстрат, русская самоидентификация, диаспора.

Novak M.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Journalism Theory, Southern Federal University, e-mail: nmarinka@mail.ru

Beshukova F.B.

Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Literature and Mass Communications, Adyge State University, e-mail: fat8474@yandex.ru

Hybridities in media discourse as a specific communicative strategy of the Carpathian-Russian press of the United States of America in the late 19th and 20th centuries

Abstract:

The Carpathian-Russian language is used as an example to show the result of the Anglo-Slavic interaction, which was expressed in the formation of the hybrid language of the Carpathian-Russian newspaper press of the United States Slavic diaspora during the late 19th and early 20th centuries. The aim of this study is to justify from the point of view of media communicativistics the necessity and expediency of the language policy of hybridization. Linguistic and content analysis methodologies were used to reveal that this hybrid language was formed based on active borrowing and word formation. The Carpathian-Russian, native for most of readers, Russian as adstrat and English-language loans were its basis. The process of word formation connected vocabulary, semantics and grammar. The main result of this study is the findings that the active processes of language hybridization that took place in the confessional Carpathian-Russian press of the United States of America in the late 19th and 20th centuries contributed to increasing the efficiency of media communication.

Keywords:

Carpathian-Russians, hybridity, word formation, borrowing, newspaper language, adstrat, Russian self-identification, diaspora.

Вне зависимости от желания представителей любой этнической группы, находящейся в инокультурном окружении, ассимиляционные процессы в ее среде быстро находят отражение в языке. В случае с любым из эмигрантских сообществ США решающее значение имело то, что языком этнического большинства в стране был один язык – английский (в отличие, например, от Швейцарии, Испании, Канады или Белоруссии). Важно было и то, что остальные этнические группы, в ходе формирования национальности, которую принято называть «американской», говорили здесь на абсолютно разных языках. «Общеизвестно, что исходная функция журналистики – информационно-коммуникативная, а поэтому закономерно, что официальные конфессиональные издания с должным вниманием выполняют эту задачу. ... они, как и другие СМИ, выполняют утилитарную, сугубо рабочую миссию журналистики» [1: 153].

Язык Америки проникал в наречия карпато-россов буквально с самого начала прибытия их представителей (конец XX в.) в страну. При многообразии культурных особенностей разных славянских групп, в их языках совершались однотипные изменения, и прежде всего,

обновлялся их словарный состав. Карпато-русским эмигрантам, которые в родных странах были представителями наименее социально и юридически защищенных групп населения, приходилось усваивать ранее неактуальные понятия, например «лойер» (юрист), конституция, «иншуранс» (страхование), «страйк» (забастовка), «комишен» (комиссия), «аптаунец» (житель верхней части Нью-Йорка), «типсы» (чаевые) и т.д. Затем наступала стадия двуязычия, когда лишь в определенных ситуациях, обычно на людях, пользовались английским языком, а в семье или церковной общине употреблялся родной, а чаще даже смешанный язык.

Еще более осложнилось сфера языковой коммуникации в среде карпато-русской эмиграции, представители которой именно на территории Соединенных Штатов Америки должны были переменить религию и совершить обратный переход из униатства в православие, веру своих предков. Это обстоятельство сделало тысячи выходцев из славянских стран Восточной Европы и Австро-Венгрии самым крупным компонентом полиэтничного сообщества «русской эмиграции» США. Таким образом, малороссийский говор (будущий украинский язык)

[2] выходцев с западных окраин России, в массе своей неграмотного крестьянства, подвергался «гибридизации» и становился колоритной смесью родного наречия, «великорусского» и английского языков.

Так сложились условия для начала явления гибридизации языка, который описан так: «Гибридизация являет собой процесс такого развития языка L, при котором: 1) данный язык L (в анализируемом случае – немецкий) является материнским для вторичного коллектива его носителей (ашкеназских евреев), этнически иного, чем исконные его носители (немцы); 2) язык L функционирует в среде вторичных носителей и контактирует с языками C (семитскими и славянскими), которыми данные носители также пользуются в условиях полилингвизма или полиггосии; 3) с течением времени материнский язык L начинает испытывать влияние, а затем системное воздействие со стороны контактных языков C, в результате чего 4) развивается гибридный язык H (идиш), основа которого – исходный язык L (немецкий язык-основа), с которым на базе адстрата скрестились системные разноуровневые пласты языков C (семитских и славянских языков-доноров)» [2: 5].

В случае с идиш, гибридность объяснялась многовековой историей его формирования [2: 5]. В случае с языком карпато-русской газетной периодики причин было несколько. Во-первых, нужда представителей славянской диаспоры в целом, и так называемой «русской диаспоры» США в частности, в международной и межэтнической коммуникации. Во-вторых, русофильская ориентация части карпато-россов, которая с их возвращением в православие на земле США усилила их русскую самоидентификацию. В-третьих, консолидирующая и интегрирующая функция газетной периодики как средства массовой коммуникации. В случае с карпато-россами в результате взаимовлияния

материнским языком L для «вторичного коллектива» его носителей стал русский, который претерпел существенные изменения за те столетия, что прошли со времени отделения Карпатской Руси. В условиях тесных диаспоральных контактов, которые начали осуществляться в условиях эмиграции, язык L начал функционировать в среде карпато-россов и контактирует с языками C (английским и карпато-росским).

Так и язык карпато-русских газет в конце XIX - начале XX в., когда шло формирование всей системы русской печати США, начал подвергаться гибридизации весьма динамично. Вот пример из газеты «Svit», организованной как приложение к официальному органу РПЦ «Американский Православный Вестник» для влияния на карпато-русскую часть паствы, где шла речь о карпато-россах в Канаде: *Много их есть скрозь по Америце. Разошлись-порассыпались по всем плейзам. Живут чисто по животному-по зверячому, без церкви и священника.* Гибридизация здесь имела место на уровне словообразования: англоязычное окончание существительного множественного числа сменило окончание по славянскому образцу. В таких текстах русский, как близкородственный контактный язык, претерпевал минимальные изменения, тогда как английский – испытывал все виды гибридизации.

Гораздо ярче гибридизация проявлялась в текстах рекламы. Чтобы с минимальными потерями смысла передать суть торгового предложения, в газетную лексику активно внедряются новые единицы. Например, рекламный модуль газеты «Любовь» «Новая русская колония в Фолсом, самом прекраснейшем месте **из оклице Филадельфии**», снабжен такими аргументами: *До колонии можно проехать стриткарой и железницей аж 3 дорогами. Имеется там добрая ключевая вода, а электриковий свет або «газ» может быть легко проведен на «проперти» каждого*

задармо. Определяя тип недвижимости, вместо привычных слов *хозяйство* использовали слово *фарма*, вместо *квартира* – *апартамент*, *проперти* – вместо *собственность*. Таким образом, в язык русских, находящихся в инокультурном окружении, эти слова вошли вновь, но в несколько измененном, более актуальном для нового быта значении. Так газеты начала XX в. становятся свидетельством лексического обогащения, когда новое, чуждое ранее слово входило в лексикон диаспоры.

Нередко англоязычные выражения использовались даже без перевода: *...пока из Патриаршего приказа не будет вычеркнуто “Форз гудъ” требование от нас политической лояльности.* «Американская Православная Русь» также ввела в лексикон читателя новое понятие, когда в своей заметке сообщила: *“Церковно-народный съезд” вылился в незначительное русское собрание, по американски это был “флон”?* Со временем часть новых языковых элементов либо отсеивалась, либо заменялась русским эквивалентом, либо органично вживлялось в ткань повествования, как не нуждавшиеся в переводе англицизмы *уик-энд*, *парти*, *юнион*, *социал* и т. д.

В целом, процесс гибридизации языка двигался неравномерно. Например, значительная часть карпато-россов, которые разделяли «русофильские» настроения славянской среды, не сопротивлялись проникновению англоязычного компонента. Однако вопреки усилению ассимиляционных процессов в одной среде росло и противодействие им в другой, стремившейся к сохранению русской самоидентификации, среде. В результате, весь массив русской периодики разделился на издания, приспособившие свои публикации к пониманию ассимилировавшихся, а также англоязычных читателей, и издания для стремившихся сохранить русскую самоидентификацию.

Последние демонстрировали стремление сопротивляться проникновению «советизмов» – новой лексике, вызванной к жизни новой языковой культурой выходцев из СССР. По этой причине тексты карпато-русской «Правды» конца XX в. отличал архаичный стиль изложения, а «Американская православная жизнь» – продолжала использовать русскую дореформенную орфографию. Вне зависимости от степени ассимиляции русских, в языке газет использовался широкий набор популярных поговорок и идиом: «Делают из мухи слона!», «Не в бровь, а в глаз», «Сивые меринны». В англоязычных текстах подобные единицы также использовались, хотя подвергались весьма дословному переводу: «Political Crocodile Tears» и т. д.

В соответствии с полиэтничным характером славянской диаспоры [3], язык ее периодики был многообразен, - помогая изданиям обеспечить максимальное «лингвистическое удобство» общения с аудиторией. В зависимости от ее этнического состава использовался как язык обиходный для карпато-русской части колонии, так и русский литературный. Вот пример из карпато-русской газеты «Правда» начала XX в.: *Дуже часто трафляеся, що наши люди, получивши телеграф або письмо от знакомого с касигарды, що он затриманий, або що не мае о чем ехати, сейчас едут до Нью-Йорку выдаючи в той способе на подорож поколька десять долларов.* К середине 1960-х гг. язык газеты модернизировался, сохранив следы карпато-русского компонента: *...американския предложения к началу мирных переговоров ...являются не чем иным, як дымовой завесой к усугублению войны.*

Или, например совмещение карпато-русской формы слова с омонимичным неологизмом, образованным от русского слова отглагольным существительным. В результате была получена форма, обеспечившая всему тексту критический дискурс: *Гвоздем собрания было несомненно*

выступление известного А.К. Казем-Бека, б. лидера Младоросской монархической партии в Париже. Он развернулся во всю ширь восточного темперамента и что называется из кожи лез. Чего-чего только не наговорил словоохотливый “оратор”... [4: 46].

Таким образом, изменения, происходившие в языке карпато-русской периодики в ходе XIX–XX вв., можно определить как постоянный процесс

гибридизации. Карпато-русский язык терял свою значимость, изменяясь и обогащаясь за счет русского адстрата, который был языком межнационального общения диаспоры. В обоих славянских языках происходили заимствования из английского как основного языка межнационального общения США. В результате, язык русских печатных СМИ стал образцом использования всех основных видов гибридизации.

Примечания:

1. Новак М.В., Бешукова, Ф.Б. Типологическая характеристика русскоязычной конфессиональной прессы США периода XIX –XX вв.: категория «функции и цели издания» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 3 (125). С. 152-157.
2. Karlovich R.A. Russian Language Periodical Press in New York City from 1889-1914. N. Y., 1995. 219 p.
3. Шишигин К.А., Лебедева Н.Б. Славянские языки как фактор гибридизации идиша // Русин. 2015. № 3. С. 210-225.
4. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. Мсква: Имперская традиция, 2007. 192 с.

References:

1. Novak M.V., Beshukova F.B. Typological characteristic of the press of Russian Orthodox Church in the USA in the period of the 19th – 20th centuries: «founder-publisher» // Bulletin of the Adyge State University. Ser.: Philology and the Arts. 2014. Iss. 3(125). P. 152-157.
2. Karlovich R.A. Russian Language Periodical Press in New York City from 1889-1914. N.Y., 1995. 219 pp.
3. Shishigin K.A., Lebedeva N.B. Slavic languages as a factor of Yiddish hybridization // Rusin. 2015. No. 3. P. 210-225.
4. Pashaeva N.M. Essays on the history of the Russian movement in Galichina of the 19th-20th centuries. Moscow: Imperial Tradition, 2007. 192 pp.